

И.А. Бескова

Коммуницирующие вселенные

Посетитель официанту, входя в ресторан: «В вашем заведении бывают омары?» – «Добро пожаловать, сэр, проходите, садитесь, мы всех обслуживаем».

Английский анекдот

Это конечно, самый простой вариант коммуникативной аберрации. Есть гораздо более изощренные, разобраться в основаниях которой подчас очень сложно, поскольку «судья» в ходе такого «разбирательства» оказывается вынужденным занять одну из оцениваемых позиций, тем самым утрачивая бонус непредвзятости вместе с возможностью взглянуть на проблему «со стороны». В результате устранить конфликт подходов далеко не всегда удается. И не только потому, что не ясно, кто же на самом деле «прав», а кто нет, но и потому, что «правы» в определенном смысле могут оказаться обе коммуницирующие стороны. И при этом сама коммуникативная ситуация предстает как глубоко тупиковая: кажется, что спорящие вообще не слышат друг друга, общение вызывает лишь раздражение, и в споре не рождается никакой истины.

В чем же причина подобного положения вещей? Результат ли это злого нежелания считаться с позицией другого, зачарованность ли собственной непогрешимостью? Или здесь таится некое объективное, трудно уловимое обстоятельство, которое и выступает предпосылкой того, что иной раз максимально возможной степенью понимания оппонента оказывается допущение возможности его правоты, *даже вопреки собственному здравому смыслу и собственному непосредственному опыту?*

Звучит довольно странно, однако попробуем вникнуть в существо проблемы.

Что мы обычно называем пониманием? В культуре технократической цивилизации понимание чаще всего – это нечто «умственное», выражающееся в акте встраивания поступившей информации в собственные концептуальные структуры, в собственную систему знания-мнения. Однако на мой взгляд, таким определением не исчерпывается содержание концепта «понимание», которое глубже и объемнее вышеприведенного. Чтобы обосновать свою позицию, коснусь вопроса о соотношении процессов восприятия и продуцирования информации.

В обыденном сознании эти акты предстают как противоположно ориентированные: восприятие – это нечто, имеющее отношение к поглощению, усвоению, «принятию в себя», а продуцирование – к выделению вовне того, что имеется внутри, к выведению наружу, излучению, в широком смысле отдаванию. Однако так ли обстоит дело в действительности? Есть основания считать, что подобный подход опрошает реальную сложность отношений этих двух процессов. В частности, известный антрополог, специалист в области психологии сознания Георг Кюлевинд показывает, что усвоение информации осуществляется в ходе ее внутреннего воспроизведения средствами собственной телесности уже в момент поступления сигнала. В качестве примера он приводит механизм воспроизведения на слух незнакомой мелодии: «При восприятии на слух слышимое оставляет свой след, отпечатывается на слуховых органах или на голосовых связках, там происходит, как у ребенка, впечатывание в телесность при одном только настрое внимания... Хороший логопед исправляет неправильно звучащий звук не в горле, а в слухе. Если звук будет услышан правильно, он будет правильно воспроизведен»¹.

Иными словами, восприятие и продуцирование могут быть поняты как сложный целостный процесс, в котором для того, чтобы нечто было правильно **воспринято**, в момент поступления сигналов оно должно быть правильно **воспроизведено** (т. е. **продуцировано** внутри себя) ресурсами собственной интегральной телесности². Это, на мой взгляд, неплохое обобщенное описание

¹ Кюлевинд Г. Звездные дети. М., 2005. С. 30–34.

² Под интегральной телесностью я понимаю недиссоциированную целостность <ум-тело>, в которой отсутствует разделение на «ментальное» и «физическое», привносимое в понимание феномена позицией диссоциированного ума.

предпосылок успешной коммуникации. Понимание в этом сложно организованном пространстве взаимодействия будет достигнуто в том случае, если субъект пойдет на то, чтобы использовать собственную интегральную телесность как инструмент для репрезентации поступающих сигналов. Однако человек не всегда готов это сделать. И здесь хотелось бы упомянуть о существовании так называемых да-тенденции и нет-тенденции.

Исследования показали, что так называемая «да-тенденция»³ складывается как следствие более разнообразного предшествующего личностного опыта субъекта⁴ и обуславливает следующую особенность восприятия: скорее модификации, не принадлежащие к данному классу, будут ошибочно причислены к нему, чем подлинные варианты прототипа будут необоснованно отвергнуты. И напротив, так называемая «нет-тенденция»⁵ формируется как следствие более однообразного предшествующего обучения и обуславливает противоположную особенность восприятия: скорее подлинная модификация некоторого прототипа будет ошибочно отвергнута, чем конфигурация, не являющаяся в действительности вариантом прототипа, будет неверно причислена к нему. При этом негативный ответ на запрос выражается не просто в формулировании соответствующего отрицательного суждения, а порождает комплексную перестройку многих систем организма, вследствие которой всё в человеке оказывается настроенным на отвержение, неприятие предлагаемого⁶. В результате возможность последующего продуктивного использования отрицаемой информации оказывается минимальной (а ведь известно, что даже из ложных идей, гипотез, теорий могут быть извлечены весьма нетривиальные и перспективные выводы). Кроме того, «нет-реакция» чаще всего предопределяет проигрышную стратегию поведения, когда, несмотря на осознание своей ошибки, субъект будет – даже вопреки здравому смыслу – внутренне сопротивляться изменению ранее

³ Склонность давать положительный ответ на вопрос о присущности предъявляемых конфигураций прототипу, представление о котором было сформировано у испытуемого заранее.

⁴ Имеется в виду формирование прототипа на основе предъявления значительно различающихся между собой конфигураций.

⁵ Склонность давать отрицательный ответ на вопрос о принадлежности некоторого данного объекта соответствующему классу.

⁶ *Posner M. Cognition: An Introduction. Scott. Illinois, 1973. P. 53–54.*

высказанной оценки. И напротив, готовность к позитивному отношению к воспринятому позволяет максимально продуктивно использовать его впоследствии. Стремление субъекта вычленить рациональное зерно, готовность признать и сильные стороны, справедливые моменты пусть и неприняемого в целом построения, даст возможность включить выявленные рациональные компоненты в собственные концептуальные структуры, что, естественно, обогатит их и позволит в ряде случаев продуктивно изменить угол собственного видения ситуации.

Таким образом, отсутствие готовности использовать собственную интегральную телесность как инструмент репрезентации поступающей информации («нет-реакция») обернется как раз невозможностью «услышать» другого, тем, что поступающая информация не будет воспринята и уж тем более размещена в собственных концептуальных структурах. Соответственно, взаимопонимание в подобного рода коммуникативном взаимодействии окажется изначально заблокированным.

Итак, я бы сказала, что продуктивное восприятие – это сложный процесс непрерывной трансформации собственной интегральной телесности вследствие репрезентации ее ресурсами поступающих сигналов в ходе постоянно осуществляющегося коммуникативного взаимодействия с контрагентом в широком смысле (это может быть среда, внутренний мир, иной человек или иное живое существо).

Вместе с тем выполнение упомянутых предпосылок еще не означает, что достижение взаимопонимания в акте коммуникации гарантировано. Иными словами, возможна ситуация, когда будет налицо готовность воспроизвести поступающие сигналы ресурсами собственной интегральной телесности, однако не будет такой возможности. Это произойдет в том случае, если прямой непосредственный опыт усмотрения природы объективной реальности будет достаточно различным у людей, вступающих в коммуникативное взаимодействие по тем вопросам, которые непосредственно увязаны с параметрами этих базовых отличий. Попробую пояснить.

Реальность для всех одна?

То, что мы воспринимаем объективную реальность, как для всех одинаковую, для тебя и для меня в равной мере и в одних и тех же аспектах данную, не означает, что так дело и обстоит в действительности. Исследования показали, что реальность открывается живому существу той своей гранью, которую это существо в состоянии (имеет возможность и готовность) воспринять. Мир пчелы, мир летучей мыши и мир человека будут различаться, поскольку к восприятию реальности окажутся обращены средства, ориентированные на фиксацию сигналов разной природы. Как справедливо отмечает Н. Тинберген, все живые существа – от низших на эволюционной лестнице до высших, – хотя и живут в одном мире, но «можно сказать, что они живут в разных мирах, т. к. каждое животное лучше воспринимает ту часть окружения, которая помогает ему процветать... Мир выглядит для нас таким, каким позволяют увидеть его наши органы чувств»⁷. Так, летучая мышь, в отличие от человека, способна воспринимать в ультразвуковом диапазоне, а пчела видит в ультрафиолетовом спектре. Реальности пчелы, человека и летучей мыши будут различаться.

Принимая этот известный и неоспоримый факт, мы почему-то не задумываемся о том, что то же верно не только по отношению к разным видам живых существ, но и применительно к разным представителям одного и того же вида, например, Ното. Иными словами, особенности организации наших средств восприятия, переработки и репрезентации информации, имеющие в значительной степени генетическую подоплеку⁸, представляющие собой вариации в границах

⁷ Тинберген Н. Поведение животных. М., 1985. С. 40.

⁸ Данные социобиологии свидетельствуют о том, что генетические вариации обуславливают изменения в когнитивных способностях, поведении, восприятии человека. В частности, это касается цветового зрения, остроты слуха, способности различения запахов и вкусов, экстравертированности-интровертированности личности, времени овладения языком, правописанием, особенностей формирующихся перцептивных и психомоторных навыков, времени прохождения стадий Пиаже, характера возникающих фобий, некоторых форм неврозов, психозов и др. Кроме того, были выявлены единичные генетические вариации, которые обуславливают когнитивные способности (данные Ахтона и др.). Стало также очевидным, что мутации в отдельном локусе могут выразиться в глубоких и очень специфических изменениях в архитектуре мозговых тканей (данные Ракик). Эти изменения не только мо-

нормы, обеспечивают то, что разным субъектам будут открыты к взаимодействию разные пласты реального. И в этом смысле можно сказать, что объективная реальность одного человека будет отличаться от объективной реальности другого, потому что они имеют разные по своим возможностям и ресурсам средства восприятия и переработки сигналов, поступающих из среды (хотя и близкие по базовым параметрам). И это одна из причин возникновения трудностей, известных как проблема *qualia*: не существует возможности передать другому точное знание того, что для тебя самого в твоём собственном внутреннем опыте будет «тихо» или «громко», «бледно-зеленое» или «блекло-желтое», «сладковатое» или «пересоленное».

Есть и еще один принципиальный момент, на который необходимо обратить внимание.

Любая система восприятия и переработки информации кодирует своими средствами лишь то, что соответствует ее собственной природе. И если в психике человека есть осознаваемые и неосознаваемые компоненты, значит, будут иметься как такие воздействия среды, информированность о которых преодолет барьер сознания индивида, так и те, что окажутся вне этого поля.

Например, человек, отдыхающий тихим летним вечером в месте, где обитают летучие мыши, в какой-то момент может испытать странное чувство напряжения и тревоги, хотя, если он этих существ непосредственно не видит, то не будет даже иметь представления о том, почему оно возникло. Тем не менее чувство напряженности может быть настолько отчетливым, что заставит его оглядываться в поисках источника неприятных ощущений непонятной этиологии. Это значит, что на уровне сознания соответствующее воздействие не представлено (считается, что сигналы в ультразвуковом диапазоне человек не распознаёт), однако же бессознательно им зафиксированы некие компоненты причиняющего дискомфорт воздействия.

Или же классический эксперимент с засветкой ладоней⁹. Проводились исследования, в которых испытуемым предлагалась ситуация, где на их ладонь сначала воздействовали обыч-

дифицируют поведение на локомоторном и перцептивном уровнях, но также влияют и на такие высокоуровневые функции, как осуществление выборов и принятие решений (Блисс и Эррингтон) (См.: *Lumsden Ch. J., Gushurst A.C. Gene-Culture Coevolution: Humankind in the Making // Sociobiology and Epistemology. Dordrecht, 1985. P. 9–10.*

⁹ Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. М., 1997. С. 173.

ным светом (при этом сами они не видели этого), а затем следовал не слишком сильный, но достаточно ощутимый удар током. Испытуемые могли его избежать, если им удавалось зафиксировать момент засветки ладони. Так вот, оказалось, что если их предупреждали, что существует некий предварительный сигнал о приближающемся неприятном воздействии, они *научались распознавать момент засветки*. Иначе говоря, под угрозой удара током и при условии информированности о том, что его можно избежать, если проявить достаточное внимание, *самые обычные люди* оказались в состоянии ладонью воспринимать свет. На уровне сознания такое воздействие не было представлено (испытываемые, даже научившись избегать удара, не могли определить ни свои ощущения, ни свои мысли по поводу этих ощущений: они «просто» убрали ладонь после ее засветки и перед ударом током). На бессознательном же уровне эти люди оказались способны зафиксировать данное воздействие.

Таким образом, среди *в принципе доступных* восприятию человека воздействий среды есть такие, которые он способен на сознательном уровне отследить и зафиксировать, и такие, которые он не способен осознать в обычных условиях. Тем не менее на бессознательном уровне многие из них распознаются и фиксируются, влияя и на поведение человека, и на его настроение, и на принимаемые им решения, и на общие оценки происходящего. Так вот, по моему убеждению, в основе общепринятого представления о наличии единой для всех объективной реальности лежит именно спектр воздействий, которые человек не просто воспринимает, но *способен осознать*, что они имеют место. Я же предлагаю расширить репертуар методологических средств за счет введения концепта *«индивидуальная объективная реальность»*, под которым буду понимать такие аспекты среды (внутренней и внешней), которые *вообще* воспринимаются человеком, включая и те, взаимодействие с которыми, хотя и имеет место, но в обычных условиях недоступно осознанию. Тогда получается, что индивидуальные объективные реальности всех людей различны и существуют наряду с неким усредненным *представлением* о единой для всех, общей объективной реальности.

Почему же люди убеждены, что объективная реальность для всех одна и та же?

Параметры сознания у современных, в данный момент, в данной культуре живущих людей в значительной степени совпадают, поэтому *осознаваемая составляющая* индивидуальной объективной реальности каждого конкретного члена сообщества будет практически идентичной (или по крайней мере весьма сходной). Так рождается стихийная убежденность в том, что объективная реальность на всех одна. На самом же деле объективная реальность (причем именно объективная, а не субъективная, что и так понятно), для каждого своя, просто *осознаваемая ее составляющая* – да еще в той своей части, относительно которой человек может *сформулировать* свои впечатления, – практически одинакова для людей, принадлежащих к одной культуре. В том числе и потому, что *язык, задающий и категориальные возможности выражения впечатлений, и сами границы осознания таких впечатлений, является для них общим*.

Поэтому можно сказать, что индивидуальная объективная реальность для каждого своя, но с достаточным на то основанием она воспринимается членами сообщества как *одна и та же, общая для всех* (и именно на этот аспект переносится стихийное убеждение в ее «объективности»). Происходить это будет потому, что из *объективно данного* субъекту в собственных непосредственных ощущениях **отдавать себе отчет** относительно наличия соответствующего опыта он будет лишь в той его части, которая *преодолела барьер сознания*. Иначе говоря, сам он будет иметь представление только об *осознаваемых* компонентах собственного опыта и, следовательно, только о *тех аспектах реальности, которые и обусловили формирование* таких компонентов. Те же составляющие собственных восприятий, впечатлений, состояний, которые остаются за порогом его сознания (хотя их источником послужили *не менее объективные аспекты реальности*), хотя и не войдут в осознаваемую им картину мира, тем не менее, на подсознательном и бессознательном уровне будут зафиксированы его репрезентативными системами. А это значит, что *компоненты окружающего, лежавшие в основе* соответствующих впечатлений, хотя и не будут субъектом отслеживаться как реально существующие и воздействующие на него, тем не менее составят важную часть *его индивидуальной объективной реальности*. По объему наверняка даже *большую, чем те, в собственном взаимодействии с которыми он отдает себе отчет*. Выражена же для передачи другим может быть еще меньшая

часть *действительно воспринятого* человеком. Потому что язык, как мы знаем, отстроен в соответствии с параметрами восприятия, *общими для всех* членов данной культуры, являющихся носителями сходного генетического материала.

Таким образом, нет оснований для того, чтобы говорить, что объективная реальность для всех одна и та же, не только потому, что мы не знаем, какова она для других, но и прежде всего потому, что мы *на уровне сознания не знаем*, какова она *для нас самих*. Мы знаем ее только в той части, восприятие аспектов которой зафиксировано нашим сознанием, но мы не знаем, какова она в той части, которая остается *вне* этого поля. (И уж тем более *относительно этой части* не можем сообщить другим о том, что реальность, по нашему внутреннему ощущению, такова.)

Проиллюстрирую этот вывод на примере выразительного средневекового дзэнского диспута, в котором противоборствующие стороны никак не могли прийти к согласию, а приверженцы разных подходов без устали осыпали друг друга оскорблениями и упреками в непонимании природы вещей и сути вероучения. Камнем преткновения оказался вопрос, нуждаются ли следующие по Пути в том, чтобы развивать свои возможности и свое понимание, или, изначально обладая совершенной природой будды, они должны всего лишь не замутнять ее? Если упоминать наиболее ярких представителей противоборствующих тенденций, то можно сказать, что с одной стороны это были приверженцы наставника Банкзэ, идеолога пути «молчаливого озарения», который считал, что человек изначально совершенен и ему нет нужды прилагать какие-то дополнительные усилия для того, чтобы реализовалась его подлинная суть. Всё, что требуется для достижения состояния буддовости, – просто ничего не предпринимать, поскольку по своей изначальной природе все мы уже будды. И его приверженцы действительно не считали необходимым прибегать к каким-то особым упражнениям и практикам, которым в других школах уделялось большое внимание и которые считались абсолютно необходимыми для успешного продвижения по Пути.

Противоположное воззрение наиболее рельефно представлено в духовной автобиографии дзэнского наставника Хакуина, которого призыв к бездействию и пассивности сильно возмущал. Он получил широкую известность как непримиримый борец с таким пониманием дзэн.

Приведу выдержки из его полемики с приверженцами пути «молчаливого озарения».

«О монахи! О наставники! Не можете же вы все, все до единого стать ворами! “Ворами”, то есть теми последователями дзэн “молчаливого озарения”, воровством которых ныне наводнена вся страна... Такие наставники приносят миру огромное количество зла, чернота которого превосходит тьму пяти великих прегрешений»¹⁰.

И далее: «В последние сто лет... появилось множество защитников слепого, сухого пути дзэн “молчаливого озарения”. По всей стране они собираются в толпы, презрительно шелкают пальцами и бормочут: «Большие сатори восемнадцать раз! Малые сатори без числа! Смешно! Если ты просветлен, так ты просветлен, а если нет, так нет!.. Как вообще можно сосчитать моменты просветленного счастья, ведь это же вам не понос!..¹¹ Нужно попросту быть Буддой, как это делаем мы, как “закрытые деревянные чаши, простые, не покрытые лаком”»... Эти люди говорят правду: они действительно ничего не делают. Они не утруждают себя дзэнскими упражнениями, им не присуща даже малая частица мудрости. Подобные медлительным барсукам, они проводят жизнь в ленивой дремоте. Их жизнь совершенно бесполезна, о них забывают сразу после их смерти... Пусть начнется потоп или разверзнется ад, они все равно будут повторять: “Какие мы есть, все мы будды, подобные пустым нелакированным чашам” и поглощать свою тарелку с кашей изо дня в день. Так они избавляют себя от пота и тягот, известных даже лошадям. Подушки с мусором! Вот все их заслуги»¹².

«Я отвечаю им: “Вы должны знать, что существуют пятьдесят две ступени, которые проходит каждый бодхисаттва, прежде чем становится Буддой. Первая из них – это зарождение сознания и веры, а последняя – достижение высочайшего просветления. Одни

¹⁰ Дикий плющ. Духовная биография дзэнского наставника Хакуина. СПб., 2001. С. 81–83.

¹¹ Филиппика сторонников дзэн молчаливого озарения адресована непосредственно наставнику Хакуину, личностный опыт которого как раз и включал 18 больших сатори и малые сатори без числа. Большими он считал те, которые приводили к радикальной трансформации его миропонимания и даже внешне проявлялись в таких крайних формах безрассудного поведения, которое, по его собственным словам, со стороны могло выглядеть как поведение умалишенного.

¹² Дикий плющ. Духовная биография дзэнского наставника Хакуина. С. 169–171.

достигают просветления постепенно, к другим оно приходит внезапно. Некоторые достигают полного просветления, а некоторые лишь частичного. Если вы не заблуждаетесь в том, что ваша таковость “простых чаш” может “быть как она есть”, тогда ошибочными были все эти древние рассуждения о ступенях бодхисаттвы. Если же знание о ступенях, пришедшее нам из прошлого, истинно, тогда вы, которые остаетесь такими, какие есть, подобно “простым чашам”, совершенно заблуждаетесь»¹³.

Как видим, наставник Хакуин в обоснование своей позиции, кроме ссылок на личностный опыт просветления, приводит даже чисто логические аргументы. Последнее, казалось бы, должно убедить оппонентов в его правоте, однако же не убеждает. В той же мере не удается преуспеть в диспуте и сторонникам дзэн «молчаливого озарения».

Итак, имеются два противоположных взгляда на один и тот же предмет. Относительно него на протяжении десятилетий ведутся ожесточенные споры, но никто никого не может ни в чем убедить. При этом спорящие – люди нормальные и более того, некоторые из них достигли просветления, тогда как придерживались противоположных воззрений на предмет дискуссии. О чем свидетельствует такая коммуникативная ситуация?

На мой взгляд, о том, что реальность и такова, какой она видится представителям одной школы, и такова, какой она видится сторонникам другой. Но как это возможно, ведь их взгляды по обсуждаемому вопросу противоположны?

Подобный парадокс я объясняю тем, что индивидуальные объективные реальности приверженцев одного подхода (и, как следствие, реальность **их** консенсуса) по определенным базовым параметрам кардинально отличаются от индивидуальных объективных реальностей приверженцев другого направления (и, как следствие, реальность **их** консенсуса). Поэтому **непосредственный личностный опыт** этих людей **различен**, даже противоположен, вследствие чего самоочевидное, буквально данное **в собственном непосредственном переживании** («на кончиках пальцев»), и в силу этого бесспорно истинное для тебя, будет **неубедительным** для того, параметры индивидуальной объективной реальности которого в этих моментах принципиально иные.

¹³ Дикий плещ. Духовная биография дзэнского наставника Хакуина. С. 171–172.

Я вижу и еще одну глубинную причину для фундаментального взаимного непонимания коммуницирующих сторон в ситуациях сложных концептуальных споров: это обращенность к восприятию мира *диссоциированного ума* человека, т. е. инструмента, который изначально видит имеющееся сквозь призму двойственности. Ведь именно с позиции диссоциированного ума любой феномен предстает как дуальный, такой, в котором есть Р и не-Р или который может быть адекватно описан со ссылкой на наличие или отсутствие у него свойств Р и не-Р. Данный «фильтр» двойственного мировидения есть то, что объединяет огромное большинство людей (за исключением тех, кто находится на *до*диссоциативной стадии – младенцы и маленькие дети, и тех, кто в акте просветления преодолел подобную двойственность – можно сказать, находится на *пост*диссоциативной стадии). Поэтому все они, несмотря на индивидуальные различия в специфике организации органов восприятия и переработки информации, воспримут реальность как такую, которая **в принципе допускает** описание в форме, сводимой к констатации наличия Р или не-Р. А дальше уже – именно в силу личностных особенностей, обусловленных спецификой генетической организации, личностной историей формирования и развития данного конкретного индивида, характером сформировавшихся на этом поле возможных наклонностей и предпочтений, стереотипов самой разной природы, и т. п., – одни из них сделают акцент на одном, а другие – на другом. Иными словами, предпочтут огрубление континуума по указанному параметру либо в одну сторону, либо в другую. На этой основе и возникнут взаимоисключающие позиции, приверженцы которых будут спорить и не находить точек соприкосновения, потому что, двигаясь от единой недואльной реальности, они отправились в разных, точнее, в противоположных направлениях.

Итоги

Итак, каждый из нас представляет собой целую вселенную смыслов, которые составляют для него привычное, повседневное поле существования и в которых он чувствует себя как рыба в воде. Но то, что именно **эти** смыслы оказываются для нас ограничны-

ми – не случайность и не только результат воспитания и личностной истории. Само это обстоятельство производно от того, что разным индивидам открыты, буквально даны «на кончиках пальцев», разные пласты реального, обуславливающие индивидуальные детали и оттенки содержания, казалось бы, таких понятных общих языковых единиц. И сделать свой опыт и свои смыслы непосредственным достоянием другого – даже в акте самой полной, самой безупречной коммуникации – невозможно именно потому, что за выражением естественного языка, которое используется каждым из нас в коммуникативных целях, у каждого – своя индивидуальная объективная реальность.

Близкая по звучанию проблематика анализируется представителями Гарвардской школы переговоров¹⁴. Однако они делают акцент на той мысли, что каждому дана лишь часть универсума и для каждого человека она своя. Относительно совпадающей части могут быть истинные и ложные мнения, и здесь имеет смысл вести обсуждение, тогда как в отношении того, что дано одному и не дано другому, диалог бессмыслен. Отличие моей позиции заключается в том, что я стремлюсь ввести дополнительное измерение перспективности коммуникативного эпизода: а именно, измерение «осознавания – неосознавания» наличия информации по некоторому параметру. Дело в том, что даже в числе данного **обоим** представителям коммуникативного взаимодействия есть такие составляющие, в которых они способны отдавать себе отчет, и такие, о которых на уровне сознания они не осведомлены. Поэтому объективное совпадение открытых к контакту с данным конкретным субъектом сфер реального – недостаточное основание для того, чтобы предполагать, что консенсус по интересующему параметру возможен. Ведь относительно данного в непосредственном опыте может наличествовать, а может отсутствовать информация, **преодолевшая барьер сознания** индивида, и следовательно, такая, в наличии которой он отдает себе отчет и может обсуждать это с другими участниками коммуникативного эпизода.

Понятие индивидуальной объективной реальности мне понадобилось ввести для того, чтобы выразить наличие таких реально представленных составляющих воздействий среды, в которых

¹⁴ Фишер Р., Юри У. Путь к согласию или переговоры без поражения. М., 1990; Юри У. Преодолевая «нет» или Переговоры с трудными людьми. М., 1993.

даже сам человек **не отдает себе отчета**. Хотя они объективно имеют место и в его неосознаваемой картине мира представлены, а следовательно влияют и на его оценки, и на его состояния, и на принимаемые им решения, **и на отстаиваемые позиции**. Но именно то обстоятельство, что он **сам не знает об этом массиве данных**, обуславливает то, что он никому ничего сообщить на этот счет не может, а значит, и научить не может и убедить не может, хотя зачастую верит, что объяснить и научить другого возможно. **Невозможно**, – именно потому, что он не будет иметь представления о том, **чему** следует научить, поскольку эта информация **в его собственном сознании не представлена!**

Таким образом, для меня ключевой момент здесь такой: дело не в том, что нам непосредственно даны разные фрагменты реального, а в том, что в числе объективно данных есть такие, о которых мы никогда ничего не **узнаем** (по крайней мере до тех пор, пока наше восприятие и наши органы чувств таковы, каковы они есть). То есть фокус не в том, что мы знаем о мире *разное*, потому что он нам открыт по-разному, а в том, что **сам я не знаю, каким он мне открыт**, поскольку огромный массив данных никогда не окажется в сфере моего сознания. И при этом лежавшие в основе этого массива воздействия среды абсолютно объективны и реально имеют место.

Поэтому я считаю, что в коммуникативных взаимодействиях полезно волевым усилием ориентировать себя на то, что в воззрениях оппонента может содержаться зерно истины, **даже вопреки твоему** – *в непосредственных ощущениях данному* – опыту. «Датенденция» в этом случае окажется хорошей страховкой, позволяющей не упустить действительно ценное, что может содержаться в позиции оппонента, которая буквально по всем параметрам противоречит твоей собственной, такой очевидной, доказательной и бесспорной в свете **твоего** личностного опыта, сформировавшегося в результате регулярного контакта с типом индивидуальной объективной реальности, открытой **тебе**.

А пытаться переубедить другого в ситуациях коммуникации по каким-то глубинным проблемам, имеющим отношение к базовым аспектам мироустройства, так или иначе выводящим на специфику организации индивидуальной объективной реальности каждого из спорящих, – так же невозможно, как силой собственной воли развернуть перед ним тот пласт реального, кото-

рый открыт к взаимодействию с тобой. А ведь именно специфика организации этого слоя непосредственно данного как раз и обуславливает то, что окажется стоящим за общими понятиями в сфере личностных смыслов каждого из нас, поскольку из контактов с именно **так** ощущаемой-переживаемой реальностью каждый извлекает свои смыслы.

Осознание того, что поле твоих личностных смыслов никогда не станет в полной мере достоянием другого человека, поможет не пытаться навязать собственное понимание и собственное мироощущение другому, а другому – не спешить с порога отвергать то, что противоположно его собственной – такой очевидно верной **для него самого** – позиции.